

ОТ АНТИЧНОЙ БИОГРАФИИ К ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ*

Настоящая заметка посвящена основам и целям исследовательского проекта, над которым автор работает в сотрудничестве с профессором Бергенского университета Юстеном Бёртнесом. Мы назвали наш проект «От греческой биографии к славянской агиографии: риторические модели и литературная индивидуализация». Вначале мы хотим проследить развитие античной биографической традиции от зарождения греческой биографии в IV столетии до Р.Х. до появления христианской агиографии в поздней античности. Затем мы перейдем к средним векам, имея в виду прежде всего восточную традицию, т.е. византийские и славянские жития святых. Мы закончим проект рассмотрением русской светской биографической литературы XIX в. Таким образом, этот проект охватывает примерно 23 столетия биографической традиции, и понятно, что мы сможем детально проанализировать лишь несколько образцовых сочинений на пути от Афин IV в. до Р.Х. до Петербурга XIX столетия.

Следует подчеркнуть, что наш проект находится еще в начальной стадии. Каждый из нас ранее работал над родственными темами — я хотел бы, в частности, сослаться на недавнюю книгу профессора Бёртнеса «Видения славы: исследования по древнерусской агиографии» (*Visions of Glory: Studies in Early Russian Hagiography*) (1988). Однако совместный проект есть нечто новое, и пока мы скорее сформулировали ряд вопросов, нежели получили какие-либо ответы. Это ясно следует из этого моего краткого сообщения.

В наши намерения входит показать, как античная биографическая литература постепенно застывает в определенные жесткие «топосы» и риторические модели. Эти последние, в свою очередь, порождают новые биографические сочинения в пограничной зоне между вымыслом и историей. Этому процессу суждено было приобрести исключительное значение для литературы, которая возникла в связи с культом христианских святых. Особое внимание будет обращено на взаимодействие между риторическими моделями и литературной индивидуализацией, которая, исходя из определения, характеризует биографию как литературный жанр. Наша гипотеза

* В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на Международном Конгрессе византистов (Москва, 1991).

состоит в том, что античная риторическая традиция стала одним из самых важных инструментов в руках агиографов, стремившихся придать индивидуальность христианскому идеалу человека путем воссоздания жизни и деяний конкретного святого.

Нашу отправную точку — первую половину IV в. до Р.Х. — определяют три нововведения в области литературы: 1) сократическая литература, изначально концентрировавшаяся на жизни Сократа (в особенности «Апология» Платона и «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта); 2) появление прозаического энкомия («Эвагор» Исократ, «Агесилай» Ксенофонт) и 3) одновременное создание беллетризованной биографии (Ксенофонта «Киропедия»). Все эти произведения, невзирая на степень их историчности, важны для последующего развития искусства жизнеописания.

Остановимся вкратце на каждом из этих литературных нововведений. В самом деле, интерес к биографии и соответствующие сочинения отнюдь не были новостью в начале четвертого столетия до Р.Х.: биографией называли «Одиссею», лирические поэты как личности привлекали биографический интерес, историки, конечно же, дают биографические очерки выдающихся политиков. Но, как убедительно показал Альберт Диле в своем труде «Исследования по греческой биографии» (*Studien zur griechischen Biographie*) (1970), благодаря стечению нескольких исторических обстоятельств Сократ стал первой личностью, привлекая *всёцело* биографическое внимание: до такой степени его *жизнь* была воплощением этических принципов, которые он проповедовал. Будем ли мы считать Платоновы «Апологию» и «Федона» или Ксенофоновы «Воспоминания» за «биографии» в собственном смысле, в данной связи значения не имеет: сократические сочинения — суть достаточное коллективное свидетельство влияния личности мудреца, идеального соединения жизни и мысли. В этосе, если не по форме, расстояние до агиографии поистине весьма невелико.

Другие упомянутые произведения того же столетия лучше удовлетворяют *формальным* требованиям «биографии». Два прозаических энкомия, «Эвагор» Исократ и «Агесилай» Ксенофонт, были с полным основанием выделены как важные модели этого жанра. «Эвагор» демонстрирует типичную биографическую схему: жизнь недавно скончавшегося тирана описана в хронологическом порядке, начиная с его предков и юности и кончая его смертью. Добродетели героя подчеркиваются постоянно, и центральная часть произведения сфокусирована на его личности. Важно, однако, отметить, что добродетели не вырисовываются органически из жизнеописания, но кажутся внешним добавлением. Саламинский тиран, как и спартанский царь, не был Сократом. Чтобы совершить переход от энкомия к жизнеописанию, эта великолепная биографическая схема должна была наполниться жизнью, которая воплощала бы идеал. Такое сочетание формы и содержания не было достигнуто в IV в. до Р.Х. Мы, разумеется, обнаруживаем его в агиографии. Но справедливо возникает вопрос: когда же оно впервые появилось в античности?

Но прежде необходимо найти определение античной биографии. Недавно Альберт Диле в своей книге «Возникновение исторической биографии» (*Die Entstehung der historischen Biographie*) (1987) дал определение «греческой биографии как литературного жанра». Он утверждает, что «...можно говорить о биографии как литературном жанре, когда жизнь человека берется как целое, показывается в своем развитии (хотя и необязательно со всеми известными подробностями) и интерпретируется как воплощение нравственно-оценочного типа, который соизмерим с опытом читателя. Как раз последняя морально-педагогическая цель, похоже, судя по Плутарху, имела особенное значение для конституирования жанра...». Это определение точно улавливает сущность *Плутархова* типа жизнеописания. Но было бы

ошибочно представлять эту характеристику как норму для *всей* греческой художественной биографии, если не использовать круговое доказательство, — только такого рода произведения заслуживают названия «биографии». Но в таком случае мы отвергаем современное употребление данного термина, безусловно, более расширительное: этико-дидактическая биография есть лишь одна из разновидностей. Не следует забывать, что *античного* жанрового обозначения «биография», которому следовало бы найти определение, не существует: этот термин впервые появляется в IV в. от Р.Х., а его античное соответствие, βίος, свободно применяется к любому роду «жизнеописания», а не только в Плутарховой разновидности (оно используется в кратких биографиях поэтов, в «Романе об Александре» и т.д.).

В частности, дихотомия между историей и биографией, которую сам Плутарх постоянно подчеркивает в своих прологах, ретроспективно выделяется как явление, характерное лишь для него и той традиции, к которой он примыкает. Сознательно избегать в жизнеописании человека наиболее значимые исторические события ради эпизодов, более поучительных в общеморальном плане, конечно, показалось бы большинству биографов порочной практикой. Общественная и частная жизнь равно суть естественные составляющие биографии, но обычно подробности второй из них привлекают внимание, поскольку герой жизнеописания является общественной фигурой, величие которой биограф стремится осветить «изнутри».

Между тем нет необходимости ссылаться на современные биографии, чтобы показать, что Плутархов тип жизнеописания есть довольно своеобразная разновидность (там, где он следует своей теории на практике). Античная биографическая традиция дает много примеров более естественной комбинации биографии и истории, характера и действия. Если говорить о полномасштабных художественных жизнеописаниях, то сочетание «жизнь философов», пожалуй, представляется наиболее удачным. Историческое значение философа заключается в его учении, в слове, как, впрочем, и в практическом примере, а это как раз и составляет объект биографии. Она имеет целью показать философско-религиозный идеал в воплощенной форме (и следовательно, охотно жертвует аутентичностью ради идеализации, если это служит ее задачам).

Наиболее законченные образцы греческих жизнеописаний философов относятся, правда, к позднему времени. Существование эллинистических предшественников таких произведений, как Ямвлихова «Жизнь Пифагора» и беллетризованная «Жизнь Аполлония» Филострата, довольно призрачно. Ключевые произведения для ранней истории жанра, как Аристоксеновы биографии Пифагора и других философов (конец IV в. до Р.Х.), к сожалению, утрачены. Тем не менее можно утверждать, и не только ретроспективно (из-за очевидного воздействия на агиографию), что этот род биографии был наиболее жизнеспособным во всей соответствующей традиции. Впервые это демонстрирует фигура Сократа.

Вернемся теперь к описанию проекта и к хронологической последовательности, которую мы оставили на IV столетии до Р.Х. Поскольку мы уделяем особое внимание литературным топосам, риторическим моделям и способам индивидуализации, *полные сохранившиеся* тексты по необходимости будут главным объектом исследования. Это означает, что раннеэллинистический период, от которого дошли лишь фрагменты и сомнительные свидетельства, будет играть меньшую роль в данном проекте, нежели в недавних работах по античной биографии. Первые 150 лет римского императорского периода будут следующей гранью, на которую мы обратим особое внимание. Николай Дамасский («Жизнь Августа»), Филон, св. Лука, Плутарх, Светоний предоставляют важный материал для изучения греческой и латинской биографии во всем ее разнообразии.

Я не стану сейчас высказывать каких-либо замечаний относительно этих текстов. Это, по большей части, хорошо исследованная область, в которой была проделана большая научная работа, в том числе и с чисто литературной точки зрения. Достаточно упомянуть книгу Фридриха Лео, вышедшую в 1901 г., «Греко-римская биография, с точки зрения ее литературной формы» (*Die griechisch-römische Biographie nach ihrer literarischen Form*). Но особенность нашего проекта состоит в том, что великие языческие биографы будут рассматриваться вместе с иудео-христианскими авторами житий: Плутарх и Светоний вместе с Филоном и св.Лукой. Это необходимо не только потому, что мы подходим к античной биографии ретроспективно, с точки зрения агиографии, но и поскольку само по себе интересно выяснить, какие топосы и риторические модели были общими для всей художественной биографии в античности и какие различались для разных поджанров, таких, как жизнеописание государственных деятелей или философов и религиозных персонажей.

Решающий период в развитии биографической традиции есть, без сомнения, поздняя античность, и центральный текст — «Житие св.Антония» Афанасия. Это произведение может рассматриваться одновременно как завершение различных тенденций в античной языческой биографии и — как часто утверждается — действительное начало агиографии. Оно полностью удовлетворяет формальным требованиям биографии. Житие начинается с краткого перечня источников, затем переходит к описанию семьи, детства и воспитания героя. Выделяются те решающие обстоятельства, которые сформировали его жизнь. Хронологическая диспозиция продолжается: описываются разные стадии его монашеского подвига, его борьба с бесами, его постепенный уход в пустыню. Длинная речь св.Антония перед его учениками повторяет часть этого нарративного материала, как иллюстрацию к его учениям. Повествование продолжают посещение Антонием Александрии, его возвращение в пустыню, его чудеса и видения и его прения с христианскими еретиками и языческими философами. Как и подобает биографии, оно кончается последними словами и смертью героя. Краткая ретроспектива рисует добродетели Антония и его жизнь как пример для монахов повсюду.

В нашем исследовании особое внимание будет уделено отношению этого жития к языческим жизнеописаниям философов («Жизнь Пифагора» Ямвлиха и «Жизнь Аполлония Тианского» Филострата), особенно с точки зрения топосов и моделей. Точное определение литературной структуры Жития, с ее взаимодействием между повествованием и цитатой, необходимо для установления его места по отношению к предыдущим биографиям и последующим житиям святых.

Несмотря на свою почти образцовую биографическую структуру, «Житие св.Антония» странным образом отсутствует как в историях биографии в античности, так и в более общих описаниях биографического жанра. В авторитетном и в целом верном очерке в «Новой Британской Энциклопедии» наше Житие тонет вместе со всеми средними веками, в следующем неумолимом приговоре: «Если кровь мучеников питала семя новой веры, она не пошла на пользу искусству биографии. Требования церкви и духовные потребности людей в сумеречном мире суеверия и насилия превратили биографию в агиографию. Последовало тысячелетие житий святых. биографическое искусство было принуждено служить иным целям, нежели свои собственные... Это был период биографической тьмы, века, в которых властвовали священник и рыцарь...». «Собственные» цели биографии, как мы понимаем, состоят в том, чтобы найти и передать читателю историческую правду о ее герое. Вместо того чтобы признать, что биография есть «искусство» и что она отличается от истории, современный литературный критик полностью замкнут на сегодняшних (или вчерашних) идеалах

исторической науки. Жития святых суть [для него] «биография с особыми целями» и даже помещены вне шести основных категорий между самыми объективными (и потому наилучшими) и самыми субъективными биографиями.

Как уже очевидно, моя позиция заключается в том, что биография в качестве литературного жанра принципиально не должна классифицироваться и оцениваться в соответствии со степенью ее исторической правдивости. Гораздо важнее достижения автора в создании убедительного центрального образа с использованием как имеющихся данных, так и своего собственного творческого воображения и в завоевании с помощью своего искусства читательского внимания. Тот факт, что произведение является тенденциозным — хвалебным, наставительным, очерняющим и т.д. — не может дисквалифицировать его, если только соблюдено основное формальное определение. «Житие св.Антония» и ряд других более поздних агиографических сочинений на самом деле являются блестящими биографиями.

Суммируем: взгляд на античную биографию как на один из главных источников христианской агиографии, а не только как на античный жанр, достигший высшей точки в Плутархе, означает упразднение некоторых искусственных разделений, которые доминировали в научном подходе к этому жанру, таких, как исключение энкомиастических произведений из-за их тенденциозности. Биографии с особыми целями или идеями, такие, как Евангелия, были на самом деле господствующей — и исторически наиболее значимой — формой античной биографии. Убеждение, что античность в целом предпочитала исторически точные биографии, тогда как средние века, с их господством агиографии, были «периодом биографической тьмы», таким образом, вдвойне ошибочно*.

Т. Хэгг

* Перевод Д.Е. Афиногенова

FROM ANCIENT BIOGRAPHY TO BYZANTINE HAGIOGRAPHY

Th. Hægg

The paper deals with problems emerging within the new research project «From the Greek Biography to the Slavic Hagiography: Rhetorical Models and Literary Individualization».